

СВЕТЛЯЧОК

16.05.2014

№ 5 (38) Май 2014 года

Литературно-краеведческой газете «Светлячок» исполнилось три года!

• О нас пишут

Газета при библиотеке

Уже не первый год при Андреапольской районной библиотеке активно действует литературный клуб «Светлячок», который возглавляет поэтесса Маргарита Петрова. Примечательно, что, благодаря поддержке библиотеки, в первую очередь ее директора Натальи Беляковой, клуб выпускает свою литературно-краеведческую газету, которая тоже называется «Светлячок». Больше газеты подобного рода при библиотеках области нет. В ней регулярно публикуются не только местные авторы, но и литераторы, краеведы из Пено, Нелидово, Торопца, Западной Двины, Белого, Твери. Отвечает за выпуск «Светлячка» заведующая информационно-библиографическим отделом библиотеки Елена Афанасьева.

На снимках:
Наталья Белякова,
Маргарита Петрова,
Елена Афанасьева.

Газета «Позиция»
№8 (1353) от 5-
11 марта 2014 года.

г. Тверь.

• Нас читают

Родным пахнет

Я постоянный читатель «Светлячка». Каждый месяц с нетерпением жду свежий номер, чем-то он удивит, порадует, с чем познакомит? Газета ни разу не подвела моих ожиданий.

То узнаю человека, с которым давно знакома, совсем в другом качестве: оказывается, неплохо пишет и прозу, и стихи. Так было, например, с Ниной Шандаевской. Очень понравился её рассказ на конкурс «Вот сижу я у окна». Она рассказывает о своей жизни в гостях у бабушки в деревне, а я своё вспоминаю.

То нахожу близкие сердцу стихи моего земляка, хорошего поэта из деревни Торопцы Валерия Осипова. Его стихотворение о позднем раскаянии, о маме, которой мы говорим лучшие слова, когда её уже нет – разве это не о каждом из нас? Его самого уже год как нет на земле. А стихи живут, их хранит «Светлячок».

Как важно, чтобы всё, созданное нашими земляками, не пропало. Я многое понравившееся в газете ксерокопирую и складываю в папочку. Лежит у меня в ней и рассказ Ангелины Демьяновой «Кузькины истории», хотя и она ушла от нас. Иногда достану, перечитаю. Сколько юмора, свойственного ей при жизни. Встаёт перед глазами, как живая.

Муж больше предпочитает своё. Мемуары Владимира Юринова о его службе в армии в качестве лейтенанта прочитывает всегда. Правда, не со всем там соглашается. Он ведь тоже был офицером двадцать семь лет и имеет на это свой взгляд. Хотя и пишет автор интересно и с юмором о событиях ушедшей эпохи, всё-таки, считает муж, от некоторых эпизодов можно было бы и воздержаться.

Авторы, конечно, пишут о своём, но ведь это и все мы. Своим, родным пахнет с её страничек. Возьмите рассказ Геннадия Матвеева «Клюква». Человек, несколько дней проведший в лесу без надежды найти выход из него, так ярко описал пережитое. И как это всем нам понятно.

Я считаю, что библиотека и те, кто выпускает газету, делают большое дело. Это всем нам надо.

Светлана Корнилова, ул. Авиаторов

• Молодые

МАСТЕРОВОЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДЕЛ

Знакомьтесь: Владимир Иванов – электромонтёр андреапольского отделения ООО «Тверьоблэнерго». Он никогда не мечтал уехать из Андреаполя в поисках более сытного и перспективного местечка. Он искренне считает: где родился, там и пригодился. И что молодые силы, молодые руки могут много сделать на благо своего родного города. Не только могут, но и должны.

В народе часто говорят: «Нет худа без добра». Так получилось и у Владимира. Его краткосрочный уход за высоким заработком на нефтеперерабатывающую станцию стал уроком того, что не стоит искать добра от добра. И, как ни странно, открыл для него интересное хобби.

На новом месте Владимиру показалось неуютно, и чтобы отвлечь себя от грустных мыслей, он бродил по просторам Интернета и неожиданно наткнулся на сайт, который его заинтересовал. Увидев поделки из металла, подумал: а почему бы не попробовать самому?

А тут случилось то, чего он страстно хотел, но на что боялся рассчитывать. Его вновь взяли назад, в прежнюю организацию. Радость возвращения туда, где он чувствовал себя равноправным членом коллектива, запустила в его душе творческий процесс. Одна за другой стали появляться работы, которые он с упоением делал, когда выдавалось свободное время, с использованием сварки из разных металлических отходов. Одни стали украшением дизайна внутри административного здания, другие разместились на территории. На их фоне любит фотографироваться на память начальство, приезжающее из вышестоящей организации.

Об увлечении Иванова узнали тверские журналисты и приезжали в Андреаполь, чтобы написать о простом парне, работающем электромонтёром в ремонтной бригаде. При этом выполняющем всю самую серьёзную сварочную работу и находящем время и желание на то, чтобы делать вещи, не предписанные должностной инструкцией, а по велению души.

Руководитель организации А. Добровольцев поддерживает творческий проект своего подопечного. Ведь со своими обязанностями тот отлично справляется. А поделки его радуют глаз и повышают настроение.

Галина Волкова, г. Андреаполь.

На снимке: В. Иванов и его железная собака.

МАСТЕР

Володе Иванову

Железный лом – ненужный хлам,
коль не споткнушь, то не замечу,
но к творческим его рукам
там лапа тянется навстречу.

Он журавлиное крыло
заметит в непотребной куче.
Тут вам не «Женщина с веслом»,
его творенья будут круче.

Мастеровой железных дел,
где холм ржавел безликий, бурый,
в металле мёртвом углядел
обличье будущей фигуры.

Ночь колодовал, а поутру
вдохнул – Гефесту* он упаковал.
И преданно прильнёт к бедру
его железная собака.

**Гефест – бог огня и кузнечного дела.
Он считался искусным мастером,
обрабатывающим металлы.*

Маргарита Петрова

• Гости клуба

Алёна Рябова

У торопчанки Алёны Рябовой недавно состоялась презентация первой книги «Небо в сердце мне глядит». Основа сборника – духовная поэзия. Но ей не чужды и другие темы.

ТОРОПЕЦ МОЙ

Торопец мой, не торопись,
Живи размеренно и свято.
Со звоном колокольным ввысь
Лети душой своей крылатой.

С молитвой каждый день встречай
И завершай дела земные,
Трудись, люби, не унывай
И помни подвиги былые.

Торопец мой, не торопись.
Тебе ли гнаться за столицей?
Ты хлебом-солью поделись,
Радущем просветляя лица.

Храни себя от суеты,
От горделивости надменной –
Глаза озёр твоих чисты,
Дары земли благословенны.

Торопец мой, не торопись,
Ты станешь Верою сильнее.
За землю русскую молись,
Молитвы этой нет важнее.

А на родине дышится глубже.
Хоть и ветер, но сердцу теплей.
Не печалят осенние лужи
И заброшенность жухлых полей.

А на родине горько-полынно
Воздух свеж, упоённо тягуч.
И не страшно, что в озере дымном
Отражаются полчища туч.

А на родине дышится вольно.
Причастившейся небесам
Здесь душе лучезарной не больно,
Здесь её возрождается храм.

НОЯБРЬ

Ноябрь – вечерняя молитва года.
Наряды убраны, земля обнажена.
И как благочестивая жена
Смиренная ко сну идёт природа.

А птицам не до кризисов и распрей
Ни мировых, ни частных дела нет.
Они поют торжественно и страстно
Свой жизнеутверждающий сонет.

Не верьте тем, кто спешно вас пугает.
Кто слаб, кем промысел
Всевышний не узрен,
Кто с потаённой злобою вещает
О безнадёжности грядущих перемен.

Всё в Божьей власти.
Если попускает
К прозрению прийти через страданья,
Кратчайшие пути Он открывает,
Ведя нас просветлённых к покаянью.

Внимая птиц восторженному пенью,
Услышу притчи радостный мотив,
Что человека, лучшее Творенье,
Бог бережёт, премного возлюбив.

В ХРАМЕ

Мне и дышится здесь по-иному.
Так легко до глубин принимать,
Как таинственна и невесома
Нисходящая благодать...

ИСПОВЕДЬ

Спасая сердце тихою мольбою,
Взываю к милосердию Отца:
– Стою я блудный, грешный пред Тобою.
Ты от меня не отверти Лица.

Спасая душу исповедью кроткой.
Пот по спине, а голос мой дрожит.
Себя хлещу признаньем, словно плёткой.
Разжав оковы, ложный стыд бежит.

К Святыням приклонюсь, когда устану.
Священная молитва даст мне сил.
Смиренный, изумленный к Чаше стану.
– Всеблагий Боже! Ты меня простил.

• Житейские истории

ЖДУТЕ

В этот день, как назло, приём врача затягивался. В очереди пришлось и сидеть, и стоять необычно долго. На первый взгляд приветливая медсестра, в душе которой, по всей видимости, было «как вы все надоели» на вопрос, когда же придёт доктор и будет ли приём вообще, отвечала односложно: «Ждите».

Пациенты ждали, коротая время, кто как может. Одни делились своими знаниями о болезнях, другие, сразу же включаясь в разговор, начинали делиться рецептами, излечивающими все болезни, третьи высказывали своё мнение по поводу квалификации врача.

Поначалу это немного интересовало, но потом просто-напросто надоело. Хотя бы потому, что к тем признакам болезни, с которыми я пришёл на приём, начали прибавляться другие. Появились мысли, а не пойти ли на приём и к другому доктору, вдруг и у меня тоже есть такое? Спасало одно: к тому другому очередь была не меньше.

Чтобы как-то скоротать время ожидания, я, хотя и больной, которому по всем признакам нельзя курить, время от времени выходил на крыльцо и выкуривал сигарету за сигаретой. Благо перед походом в поликлинику купил целую пачку. Слава богу, к тому времени ещё не был принят закон о запрете курения в общественных местах, иначе моя пенсия вылетела бы в трубу. А если учесть, что я курю много, то даже страшно представить ту катастрофу, которая могла бы произойти. Утешало одно: рядом со мной на крыльце поликлиники в ожидании приёма врачей курили те, у которых болели лёгкие, желудок, почки. Смолили все. Здесь же крутились дети, которых родители привели на приём к педиатру, но тот почему-то задерживался. На моё предложение всё-таки ребёнку зайти в коридор, чтобы избежать отравления табачным дымом, отец одного из них так посмотрел на меня, что я поперхнулся дымом. Больше я никаких замечаний и предложений не делал. Не хватало мне вместо одного костыля приобрести и другой.

Сколько бы я ни курил, но пришёл всё-таки не за этим. Мне нужна была помощь врача. Очередь у кабинета к этому времени увеличилась. На тот же вопрос, заданный той же медсестре, услышали то же: «Ждите». Делать нечего. Все, покорные судьбе, ждали.

А в это время какой-то детский сад привёл ребятишек на профилактический осмотр перед поступлением в школу. Орда состояла человек из двадцати. С ними были несколько воспитателей и медработник, которая время от времени, непонятно зачем, пересматривала медицинские карточки подопечных.

Люди, ожидающие своей очереди на приём, сначала с некоторым любопытством наблюдали за пришедшими, тех же присутствовавшие совсем не смущали. Они почему-то сразу начали меряться силами. Воспитатели пытались было их успокоить, но вразумлений хватало минут на пять, не больше. Дети, вошедшие в какой-то неопиcуемый восторг перед посещением зубного врача, как будто бы ничего вокруг себя не замечали. Они деловито уселись на, как им казалось, свободные стулья и начали попихивать друг друга. Таких, как я, пришедших с перекура кто с одной палочкой, кто вообще на костылях, они, казалось, даже не замечали. Воспитатели тоже.

Дальше – больше: дети стали бороться на полу под сопровождающие выкрики болельщиков. У меня к болям в ноге прибавилась головная боль. А воспитатели между делом рассматривали какой-то глянцевоый журнал, время от времени останавливая борцов возгласами: «Коля, перестань!» Но Коле в запале борьбы все эти возгласы были, что называется, до фени. Он ломал оказавшегося на спине до победного конца, а конца даже не было видно.

Но конец всему этому безобразию всё-таки наступил. Поводом для этого послужил пациент, вышедший не совсем уверенной походкой из кабинета невропатолога. У него тряслись руки. Он торопился на приём к другому специалисту и поэтому стал поспешно надевать куртку, не сразу попадая в рукава. Из вывернутых карманов посыпались разного достоинства монеты. Пациент, видимо, этого вообще не заметил. Но зато дети, услышав звон падающих монет, сразу же бросились их подбирать.

В очереди наступила тишина, повисло ожидание: «А что дальше?» Многие, и я в том числе, думали, что дети подбегут к растерявшему монеты и скажут: «Возьмите. Вы потеряли». Но этого не произошло. Каждый из них стал считать, сколько ему досталось. Воспитатели как будто и не заметили происходившего.

Детей осмотрели, дали заключение, что все готовы к школьному обучению. Я же пришёл домой с головной болью и пожаловался жене, на что она сказала: «У тебя, наверное, давление поднялось, сходи завтра к терапевту». На что я ответил: «Нет уж. Свою пачку сигарет я лучше дома выкурю».

Не изменяя давней привычке, на следующее утро я включил телевизор, чтобы узнать последние новости, происходящие в стране и мире. Из новостей, касающихся работы Государственной думы, узнал, что увеличивают финансирование на дошкольное образование, и чему там будут обучать дошкольников на эти дополнительные деньги. И так хотелось спросить: «А доброте учить будут?»

Александр Павлов,
г. Андреаполь

- Снится ветер майских дней

Василий Рысенков,
г. Торжок

Я не знаю, откуда пришла
эта блажь,
С тёплым ветром, весенним днём:
Вот бы мне на берёзе устроить шалаш
И дожждаться рассвета в нём!

Птичьи сонные шорохи из гнезда.
Мысли лёгкие – ни о чём...
Будет рваные сны зашивать звезда
Самым тонким своим лучом.

И в тумане зарю растворит река,
А в рассветном тепле опять
Будут крестик сиреневого цветка
Пчёлы сонные целовать.

Птичьей трелью облитые травы в цвету.
Спят в бутонах неспетые дни.
Нашу бедность, беспомощность, суету,
Вечность тихая, осени!

Иван Демидов,

г. Тверь

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ВЕСНА

Срываю сознания шторы:
Мне рифма тесна и мала.
Зовут голубые просторы,
Несется, вращаясь, Земля.

Она повернулась на лето,
И мир опьяняюще нов.
В потоках волшебного света
Нисходит на Землю любовь.

Восторг вырастает до крика,
В нем солнца горит аметист,
И снег от сияющих бликов
Колюч и алмазно-искрист.

Маргарита Петрова,

г. Андреаполь

По весеннему месяцу маю
я гуляю, нисколько не маясь
ни обидой, ни злом, ни любовью,
ни размолвкой с недоброй свекровью.

Я свободна, как майская птица.
Мне легко в светлом сквере уютиться,
продуваемом всеми ветрами;
и в окошке из прутьев, как в раме,
миражи возводить с облаками.
Прорастание трав под рукою
можно чувствовать в гулком покое.

Так, порядок весны не нарушив,
очищаю смятенную душу.
Я гуляю по ясному маю,
каждой клеточкой радость вбираю.

Наталья Шабанова,

п. Чистая речка

МАЙ

Повисли бусинки дождя на тонких веточках,
Наперебой запели в рощах соловьи.
Как абажуры, зацвели в янтарных ленточках
Акаций мокрых золотистые шары.
Бродячий май развесил облако дурмана
И нежных ландышей развеял аромат.
Открыл страничку он для школьного романа,
И для любви открыл он дверцу в дивный сад.

Лариса Иванова,

г. Торопец

Какие снятся мне... стихи
Ночами, как они красивы!
В них - бег реки неторопливый,
И все слова, как пух, легки!

В них - белых яблонь аромат,
Моих друзей родные лица,
В них - бьют ключи, ручьи звенят,
И радостно звенит синица...

Давно слова любви в песок
Водой ушли, песнь улетела,
Ручей игривый пересох,
И речка сильно обмелела.

Друзей по свету разнесло,
Как пух, суровым жизни ветром,
Ключа окошко заросло...
Простился сад мой с белым цветом.

• Новые стихи

Владимир Юринов

ПОЭТЫ – ВОЛЫ

Поэты – волы. Лишь воловье терпенье
их мирит с рутиной и скукой.
Удел их – корпенье над стихотвореньем,
пыхтенье над словом, над звуком.
Они методичны, они прагматичны.
Подобно священным коровам,
взирая на мир философски-цинично,
размеренно чавкают словом.
Поэты – волы. Незавидна их доля.
Их воля страшней, чем неволя:
срывать день за днём кровавые мозоли,
взрыхля культурное поле.
Поэты – трудяги. Пером забавляться
не принято в клубе их строгом,
и наш календарь им не милые святцы,
но – план поквартальных уроков...

Лишь только уронит, как школьница – фантик,
лист жёлтый берёзка-шалунья,
поэты теряют покой, как лунатик
теряет покой в полнолуние.
Им надо, не медля, в поля что есть духу
спешить и с улыбкой ослиной
радарить своим поэтическим слухом
печальный пролёт журавлиный.
И тут же, и тут же писать о печали,
о тихих дождях, о разлуке,
сидеть и прилежно печатать, печатать,
зевая и морщась от скуки...

Когда же снега заметелят, поспешно
отстучать про свечку и печку,
про вечность, про город под саваном снежным,
про вьюгу и снова про свечку...

Весна же – и вовсе горячее время,
навроде, простите, поноса.
Поэтам весна – как эстрадной богеме
пора новогоднего чёса.
Им надо от мартовских первых проталин
до грозного майского грома
успеть разложить все весенние тайны
на строки и строфы и, кроме
того, написать о капели весенней,
о сини осилить две мысли,
и всенепременно ручьёв пробужденье
сравнить с пробуждением жизни,
обрушить любовных сюжетов лавину
на зависть самой Мельпомене,

слегка пожурчать о ночах соловьиных,
сиреной повить о сирени....

Лишь летом свой стан распрямляют поэты,
стихами стихийно стихая, –
не видят их в лете поэты, поэтому
летом они отдыхают,
поэтому к лету лояльны поэты.
Что проку поэту от лета?
Когда в том ни тайны, ни таинства нету,
а значит, и нету сюжета.
Про лето писать для поэта зазорно,
как рыться в пыли альбатросу.
Когда б в той пыли да жемчужные зёрна –
увы, там лишь сор да отбросы.
Про лето писать – это собственноручно
признать, что ты с Музой не дружен,
что просто спешешь отразить свою
сущность
в любой быстросохнувшей луже.
Про лето писать – неприличная шутка.
Что в лете том есть, кроме скуки?
Жара, комары, расслабленье желудка,
банальность, вульгарность и мухи, –
всё то, что годится в бульварную прессу,
на корм головастикам в Лету,
в плохой анекдотец, в похабную пьесу...

И что остаётся поэту?
Как жить ему с рифмой, с хорейным
дурманом,
с ямбическим постуком в мыслях?
Что делать ему до сентябрьских туманов,
до первого золота в листьях?
А так, ничего, отдыхать понемножку,
дремать, наслаждаться пленэром.
Жирок поэтический – крошку за крошкой –
откладывать с дальним прицелом.
Отбросив заботы,
забыв про работу,
культурно, красиво,
с бокальчиком пива,
в тенёчке, в сторонке,
в протёртом шезлонге,
а может, в оконце,
сияя червонцем,
смотреть, как резвится – хрю-хрю! –
поросёнком
на жёлтой лужайке солнце!

• Андреапольский след

Сама Алиса здесь никогда не бывала, но корни её в андреапольской земле. Её прабабушка родилась в деревне Ратча под Торопацей. Бабушка в 13 лет уехала за счастьем в Москву, там и обосновалась. Мама Алисы нередко приезжала погостить в родные края. В Андреаполе и сейчас живут её близкие родственники, одна из которых член клуба «Светлячок» А. Хребтова.

Алиса ещё молода, но делает в литературе уже весьма успешные шаги. Более 15 лет занимается такими противоположными областями как афористика и роман, посвящая свои работы чувствам людей.

Алиса Белоусова

СТЕКЛЯННЫЙ ВЗГЛЯД**Миниатюра**

Стеклянный взгляд. Смотришь на мир и не моргаешь. Видишь его настоящим. Никак не реагируешь. Отсутствуют оценки, ощущения, анализ, понимание и отношение. Просто смотришь неподвижными зрачками на то, что происходит вокруг. Так редко удается остановиться и просто заметить. Заметить того, кто страдает, того, кто не ценит, тех, кто ничего не замечает. Мы проживаем эту драгоценную жизнь бесцельно. Каждый день мы откладываем благие мысли и великие намерения, заботясь о глупых и нестоящих насущных мелочах. Я смотрю на людей и вижу, что многим из них повезло много меньше, чем мне. И испытываю чувство стыда за то, что включаю телевизор, езжу по магазинам, занимаюсь работой, которая, по сути, никому не приносит добра и пользы. У меня нет детей, и я не продолжаю род. Я не делаю ничего особенного в своей обыденной жизни, хотя имею все возможности души, ума и духа. Но существование затягивает. Окружающий образ жизни склоняет чашу весов злополучной мыслью «как все». А ведь в детстве мы все мечтаем быть разными, добрыми, светлыми, индивидуальными. А потом это уходит на второй план за мелкими бытовыми проблемами. Наверное, это не мелочь, заработать денег на еду, жилье, на помощь родителям или содержание детей. Но в какой-то момент эти первостепенные нужды перекрывают мысли о духовном и ценном. Меня пугает наша страна сегодня. Меня пугают люди, утратившие жизненные ориентиры. Меня пугают электронные книги и общение по социальным сетям. Меня пугает общество, в котором идеи рождают для twitter, а фотографии делают не на память, а для Facebook. Я читаю афоризмы Кафки, Сократа и Сенеки, сложенные из простых слов и прописных истин и понимаю, как много важного и значимого мы забыли, потеряли. Золотого ядра не видно из-за шелухи. Мы превращаем шелуху в культ и чтобы понять это – достаточно просто включить телевизор. Я стараюсь его не смотреть. И я очень хочу, чтобы люди чаще смотрели на небо, а не в «голубой экран». Мир удивителен и полон открытий для того, кто готов их принять. Жизнь – бесценна, единична и неповторима. Неужели, на смертном одре кто-то из нас будет вспоминать те мелочи, что волнуют, например, сегодня? Я не знаю, как всех спасти или изменить, но было ведь кем-то сказано: сделай счастливыми своих близких, тем самым ты прибавишь счастья в этом мире. Давайте думать о душе. Заботиться о любимых. Тоже прочла у кого-то из мыслителей: вся проблема человечества заключается в том, что мы стали любить то, что нужно использовать и начали использовать тех, кого надо любить. Может, пора поменять приоритеты? А пока я смотрю на мир стеклянным взглядом. Взглядом, в котором не осталось боли или отчаяния, в котором лишь холодная констатация. И от нее леденеет не только взгляд, но и сердце.

АФОРИЗМЫ**О жизни**

- *Когда думаешь изменить этот огромный мир, очень сложно выбрать ту крупинку, с которой стоило бы начать. Порой мы тратим всю жизнь на этот выбор, а мир так и не меняем.
- *Прелесть настоящего осознается в будущем, где оно уже становится прошлым.
- *Мы меняем мир каждым своим движением. Не машите руками впустую.
- *Хочешь жить каждый день, как последний, но каждый раз откладываешь начало такой жизни на завтра.
- *Жизнь смешная и глупая, почему же ее никак не обдурить...?

Немного о мужчинах

- *Мужчина, не умеющий побеждать, способен воевать только с женщинами.
- *Мужчины имеют дурную привычку появляться тогда, когда их, несомненно, еще помнят, но уже не ждут.
- *Принцессы должны быть с королями, а принцы пусть достаются золушкам.

• К 100-летию начала Первой мировой СОЛДАТ НА СЛУЖБЕ ПОЛУЧАЕТ...

1914 год. Столетие назад случились события той войны. Нет в живых не только самих её участников, но и дети их в большинстве уже покинули этот мир. А поколение внуков что об этом помнит? Лишь обрывки рассказов старших родственников могут восстановить в памяти, и то с оговоркой: «Если ничего не путаю...». Разве вещи, если они ещё сохранились, расскажут что-то о солдатах Первой мировой.

В моих руках солдатская книжка моего деда, каким-то чудом уцелевшая. Некоторое время назад, после смерти моей матери, нашла её, бережно упакованную, в маминой сумочке. Листочки обветшали, первой обложки уже нет. Но сведения она хранит интересные.

Из неё узнала, что дед мой, «Рихтерь Робертъ 1 декабря 1914 года прибылъ и зачисленъ на службу въ 11 роту 2-го Софийскаго Императора Александра 111 полка». Из сословия крестьянского, из деревни Овиново Холмского уезда Тухомичской волости Псковской губернии. Сегодня это территория нашего района, располагающаяся вблизи Серёжина. Графы для года рождения нет, значит было не важно, сколько солдату лет. А вот вероисповедание лютеранское и владение ремеслом («знает мастерство - кузнец») записаны. Отмечено, что женат.

Перед паспортными данными идёт страница, где подробнейшим образом расписано, что «Солдат на службе получает». Из раздела «Ежедневное продовольствие» узнаю, что солдату полагались приварочные деньги на приготовление обеда и ужина по стоимости $\frac{3}{4}$ фунта мяса и 2 $\frac{1}{2}$ коп. на соль, перец, овощи, сало и проч. Положены и деньги на покупку 0, 48 золотников чаю и 6 зол. сахару, 3 фунта хлеба и 32 зол. крупы. Если солдат не доедает отпускаемый ему хлеб, то в конце месяца получает деньги за «недоед» по стоимости муки.

Из раздела «Ежемесячное жалованье» узнаю, что фельдщери (вахмистру) платили 6 рублей, старшему унтер-офицеру 4 рубля, младшему унтер-офицеру 1 рубль, ефрейтору и барабанщику 60 копеек, рядовому 50 копеек. Здесь же о том, что каждому солдату отпускается полфунта мыла в месяц, «взамен мыла можно выдать деньгами». Расписана и амуниция, вплоть до портянок (3 пары), «галстухов» (1) и носовых платков (3) и даже подмётки к сапогам (2 пары).

Из изложенного понимаю, что если солдат на чём-то экономил, то получал за это деньги. Так на одной из страничек вижу, что мой дед получил в январе за тёплые вещи 10 рублей 98 копеек. И делаю вывод, что бабушка моя, а его жена, наверное, ему эти тёплые вещи прислала, потому как в том же месяце в графе «Письма с деньгами» отмечено получение им ценной бандероли. Хлеб и прочую провизию дед, по-видимому, поедал исправно. А вот за табачок денежки ему возвращали. Из рассказов бабушки помню, что дед был некурящим.

Разделов, где отмечались бы награды, поощрения и наказания в этой книжке нет. Не знаю, были они у него, нет ли. Фотографий деда в военной форме не сохранилось. Зато есть военное фото его родного брата – Ивана Рихтера, на груди которого приколот какой-то наградный знак. Как ни пытались мы с директором музея Валерием Линкевичем распознать его, не сумели: хотя снимок и чёткий, слишком мелка деталь. «Медаль какая-то, но не орден точно», – заключил Линкевич.

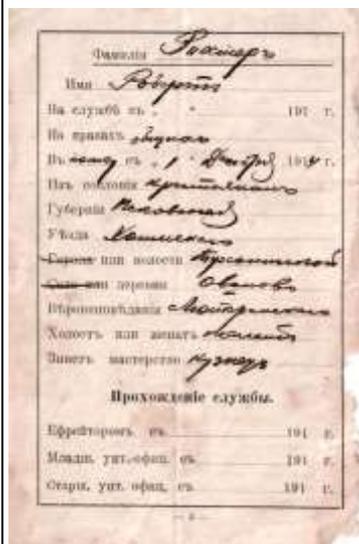
Вот и всё, что сумела мне поведать семейная реликвия простого солдата Первой мировой, выхваченного из привычной крестьянской жизни, от сохи и кузнечных мехов для выполнения несвойственного ему бранного дела.

Из рассказов бабушки припоминаю, что дед на той войне побывал во вражеском плену. Этнический немец, хорошо знавший язык, он однажды имел неосторожность на нём машинально ответить на какую-то фразу своих врагов. За что чуть был не расстрелян как «вражеский шпион», якобы пробравшийся на немецкую территорию с целью получения информации. Деталей теперь не помню, но спас его свой же товарищ, пленный с самой русской фамилией Иванов.

Ну что ещё сказать? О том, что войны – это зло, каждому известно. Поэтому закончу цитатой из Интернета: «Первая мировая война 1914-1918 годов – одно из крупнейших, переломных событий мировой истории. Этот беспрецедентный по масштабам катаклизм привел к потере миллионов человеческих жизней, падению нескольких могущественных империй, становлению новых национальных государств, коренным переменам в системе международных отношений. Он предопределил весь последующий ход событий, включая Вторую мировую войну. Как отмечал американский политолог Дж.Кеннан, «все, что произошло в мире в XX веке, вышло из Первой мировой».

Маргарита Петрова,

На снимках: солдат Первой мировой Иван Рихтер;
страничка из солдатской книжки Роберта Рихтера.

- С музейных полок

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

В начале 2006 года вдова основателя нашего музея Э. Э. Шимкевича, Екатерина Николаевна, передала фотографию ветерана Первой мировой войны. Сказать, кто изображён на ней, она не сумела: хранилась, дескать, у Эдуарда Эдуардовича, и всё. Добавила лишь, что, помнится, проживал этот гражданин где-то в районе Серёжина.

А портрет шикарный: дедушка, на груди которого четыре Георгиевских креста и медаль «За храбрость» на Георгиевской же ленте! Подсасывало неприятное чувство беспомощности в определении снимка. По уму-то, помнить старика должны бы ещё: на вид и качество фотографии, сделана она была в конце 1960-х годов. Но поиски упирались в тупик. Не смогли помочь в них и краеведы Бологовской школы. И всё же – надежда теплилась.

И вот недавно, просматривая записки по истории населённых пунктов Серёжинского района, составленные в 2005 году краеведом, участником Великой Отечественной войны И. В. Кузнецовым, обнаружил в них следующие записи:

«...Моржуи. Захаров Афанасий Захарович, разведчик, полный кавалер четырех крестов За войну 1914 – 1918 г. Последнее время жил Бологово за речкой Уклеенкой левая сторона. дом цел»;

«...Шутково. Белоничаев Николай Иванович. Полный кавалер георгиевских Крестов. За освободительную войну Болгарии 1878 г. Его внук Белоничаев Алексей Иванович погиб защищая Калинин похоронен с. Медное. Это мой дед по матери».

Заинтересовавшись сведениями, решил обратиться к Ивану Васильевичу. Вспыхнула мысль: а вдруг на фото – кто-то из них?...

Позвонил, договорились о встрече.

...Беседуем в прихожей. Иван Васильевич определил изображённого сразу: Захаров Афанасий, уроженец хутора Моржуи, а потом – посёлка Бологово. К изложенному в рукописи, добавил, что в Серёжине работал тот директором райтопа, потом в организации «Заготскот», и что умер где-то в 1950-х гг. Посетовал, что вот портрета прадеда, сержанта Н. И. Белоничаева, участника похода в Болгарию под командованием Иосифа Владимировича Гурко, у него нет (да и умер он около 1926 года). На том и распрощались.

Заехав в ЗАГС, уточнил дополнительные сведения. Оказалось, что отчество у Афанасия Захарова не «Захарович», а «Иванович», что он родился 31 августа 1891 года в д. Асосово (здесь ошибки нет: по всей видимости, хутор Моржуи располагался где-то рядышком, потому и приписали к деревне); проживал в пос. Бологово, на улице имени Героя Советского Союза Н. И. Назимова, в доме № 1. Пенсионер, последнее место работы – заготовительная контора Серёжинского сельпо. Умер 9 ноября 1973 года. Заявителем о смерти была его дочь, Анна Афанасьевна Дрызгова (прожив: пос. Пено).

...Возвращался в музей с чувством удовлетворения – и от того, что ещё одна фотография не останется безымянной, и от того, что узнал новые данные об интересной судьбе земляка – Человека Ушедшего Поколения.

Валерий Линкевич,
директор музея имени Э. Э. Шимкевича.

г. Андреаполь

На снимке: Захаров Афанасий Иванович (1891 – 1973), уроженец хутора Моржуи, кавалер четырех орденов Святого великомученика и победоносца Георгия.

• Новые стихи

*Татьяна Ланко,**В. Луки - Андреаполь*

Рделись земляничные пригорки
 Радость деревенской ребятни,
 Наливались травы соком горьким
 В сорок первом, в новом лете дни.
 Распластались громовые тучи
 Над страной, где мирный жил народ.
 Он мечтал о доле своей лучшей,
 Зная то, что счастье всех найдёт.
 Потянуло гарью сквозь туманы
 Соловьиных рощ, где гвалт стоял,
 Так по перелескам и полянам
 Пули щебетали, и металл
 В городах разрушенных жил в стенах
 И стреляли громко ППШ,
 В реках кровь бурлила, словно в венах.
 От бомбёжек звон стоял в ушах.
 У родной земли свои законы,
 Сыновья свой исполняли долг –
 В жертву приносились миллионы
 Жизней, чтобы гул войны умолк.
 Зов тревог. Зачем он не проходит?
 Почему он слышен вновь вокруг?
 Что-то вдруг расстроилось в народе.
 Кто излечит души от недугов?

*Михаил Ильюшонок,**Андреаполь*

На тверских просторах дальних
 В глубине сплошных лесов
 Уголок Руси кристальный
 Создан волею Богов.
 Молвят: «До него добраться
 Даже пешим нелегко».
 За дремучими лесами
 Затерялся далеко.
 Там искрится тонкой струйкой
 Чудотворный ручеёк,
 Родничок реки великой,
 Пресвятой Двины исток,
 Что в былинах и преданьях,
 Сказах мудрой старины,
 Отражения зеркальных
 Вешних вод родной Двины.

*Нина Шандаевская,**Андреаполь*

О женщине стихов считать – не счастье!
 Что только в тех стихах не воспевали?!
 И красоту её, и томный взгляд, и честь...

Всё перечислить я смогу едва ли.
 Пишу сейчас о женщине другой,
 О той, что лихолетье не сломало.
 Которая, пройдя войны огонь,
 Хлеба растила, деток поднимала.
 И с поля битвы раненых бойцов
 Отчаянно тащила к медсанбату.
 И сутками стояла у станков.
 И делала снаряды и гранаты.
 Всё вынести смогла и всё стерпеть;
 И нет того, чего ведь не смогла бы!
 И хочется мне дифирамбы петь
 Не леди из гламура ... Русской бабе!

*Юрий Смирнов,**Торжок - Любино***ОПТИМИСТ**

Сумасшедшая,
 С ума шедшая
 Страна...

И какого ж рожна
 Лезу я напролом?
 Кровь, в грязь перешедшая...
 Роща, перешедшая в бурелом...

Жизнь, ты прости,
 Ты мне не нужна,
 Ты мне – влом,

Языком,
 На котором не то что предки
 И потомки разговаривать не будут,
 Говорю я сегодня, люди,
 (Хотя и редко),
 Зная, –
 У души убудет.

Поверьте:
 Не войти мне в игольное ушко верблюдом.
 В стаде проковыляю на своих двоих –
 ублюдком –
 До смерти.

*Галина Персина,**Андреаполь*

Когда нам хорошо, мы очень рады,
 Когда беда, то лишь бы не со мной.
 Но жизнь несёт нам не одни награды,
 Ворвётся не стучась и к нам и с бедой.
 И всё кругом покажется ужасным,
 Не радуется тогда и солнца луч.
 И жизнь прожитая нам кажется напрасной,
 И нет нам выхода из-под нависших туч.

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Как я уже говорил, в Орловке было семь жилых пятиэтажек: ДОСы за номерами – 1, 2, 3, 5, 6, 9 и 13. Только не спрашивайте меня – почему нумерация домов была именно такой, и куда делись дома 4, 7, 8 и с 10-го по 12-й! Я этого не знаю. Я знаю другое: орловцам в этом отношении ещё крупно повезло – городок у нас был совсем маленький и путаницы практически не возникало. Иное дело – большие гарнизоны.

Я как-то поехал в гости к своему другу в Завитинск. Завитинск – это такой город, райцентр, расположенный в двухстах километрах от Орловки. Гарнизон там был огромный – кроме двух авиационных полков с частями обеспечения, там ещё базировалась и танковая дивизия, где народу на порядок больше, чем в авиаполку. Поэтому и тамошний жилой городок насчитывал несколько десятков домов. Нумерация ДОСов в Завитинске отличалась восхитительной нелогичностью: рядом могли стоять, например, дома № 12, № 77 и № 138, а ряд домов с №№ 33, 34, 35 мог замыкать, к примеру, дом № 226. Найти нужный дом в этой тотальной путанице не могли даже старожилы, прожившие в гарнизоне несколько лет. Рядовой житель Завитинского гарнизона знал пять-шесть домов вблизи своего дома и ещё несколько домов вдоль своих обычных маршрутов следования – к магазину, на работу, на станцию. Мне бы в жизни было не найти дом моего друга, если бы он сам не встретил меня на вокзале и буквально за руку не привёл к своему подъезду. Встречались мне странности с нумерацией домов и во многих других гарнизонах в разных концах нашей необъятной страны.

Какими тайными замыслами руководствовались те, кто нумеровал ДОСы в жилых городках, наверное, навсегда останется тайной. Ясно одно: поскольку странности с нумерацией были присущи военным городкам, расположенным в разных военных округах и удалённых друг от друга на сотни и тысячи километров, то списать это на происки неких местных военных чиновников никак не получится. То есть, скорее всего, исходила эта инициатива из единого центра, который язык не поворачивается назвать «мозговым». Делалось же это, наверняка, исключительно из соображений секретности, дабы «запутать противника и сбить с толку остальных». У меня даже есть предположение, что наши славные нумеральщики ДОСов сидели где-то неподалёку от наших не менее славных советских картографов. Может, даже в соседнем кабинете.

Странности в нумерации домов были для жителей Орловки столь привычными, что когда в 86-87-м годах в гарнизоне – под вновь формируемый 216-й полк – были построены две пятиэтажки, получившие номера: ДОС № 17 и ДОС № 18, это совершенно никого не удивило.

Мы приехали в Орловку в конце ноября, когда там уже вовсю трещали тридцатиградусные морозы. Командование полка решило вопрос с нашим жильём очень оперативно. На первые несколько суток нас всех разместили в гостинице, а затем начали расселять по квартирам. Первыми – в течение двух-трёх дней – получили свои «хоромы» «женатики». Ещё примерно через неделю нам – семерым оставшимся холостякам – была предоставлена трёхкомнатная квартира на первом этаже ДОСа № 13.

Новое жильё встретило нас обшарпанными стенами, выдранными с корнем розетками и околонулевой температурой. В квартире было сумрачно – свет с трудом пробивался сквозь заросшие сантиметровой ледяной шубой окна. Пар из наших ртов поднимался к посережнему паутинному потолку. Обходя свои новые владения, мы остановились перед запертой дверью в третью – самую маленькую из всех – комнату. Толкнули дверь – никакого результата. Подналегли плечом – та же история. То есть верх двери немного отходил от косяка, низ же был как будто прибит гвоздями. Причём изнутри. Нам стало интересно. Но поскольку начинать обживание новой квартиры с выламывания двери как-то не хотелось, мы начали искать обходные пути. Вскоре такой путь нашёлся. Квартира, как отмечалось выше, располагалась на первом этаже. Более того, как раз под окном запертой изнутри комнаты находилась крыша входа в подвал. Взобравшись на эту крышу, мы аккуратно вынули стёкла и через окно проникли в таинственное помещение. Глазам нашим открылась удивительная картина: от лопнувшей батареи отопления, то есть от самого окна, до расположенной в противоположной стене двери тянулся, плавно понижаясь, самый настоящий ледник. В верхней своей точке ледник лишь немного не доставал до подоконника, то есть имел в высоту порядка шестидесяти сантиметров, в районе же дверного порога, в трёх метрах от окна, его высота была примерно по щиколотку. Ледник вольготно раскинулся на всю ширину помещения и явно чувствовал себя в этой комнате полноправным хозяином. Чтобы доказать ему обратное, нам пришлось вооружиться ломом.

Часа три мы посменно кололи лёд и выбрасывали его в окно. Вся крыша входа в подвал и прилегающая к нему территория в итоге оказалась буквально завалена разновеликими глыбами грязно-серого льда. Проходившие мимо жители гарнизона останавливались и живо

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 11).

интересовались процессом. Многие спрашивали: зачем это мы наморозили столько льда в одной отдельно взятой квартире, почему это лёд у нас такой грязный и зачем, раз уж мы его наморозили, теперь так расточительно выбрасываем, да ещё и через окно? Мы вяло отругивались.

Наконец ледник был ликвидирован, окно задраено, лопнувшая батарея заменена и мы принялись обживать своё холостяцкое гнёздышко.

Спустя пару недель наше гнёздышко приобрело вполне обжитой вид. Мы законопатили окна, побелили потолки, переклеили обои, прикупили кой-какую мебель. Слегка оттаявшие окна прикрылись незатейливыми занавесками. В недавно столь ещё неприветливой квартире появился какой-никакой, но уют.

И лишь одно помещение являло собой разительный контраст со всеми остальными комнатами. Это была кухня. Кухню мы ремонтировать не стали и вот по какой причине. За одной из стен кухни был подъезд. А поскольку батареей отопления в подъезде не было (ещё задолго до нас все батареи во всех подъездах были свинчены и растащены по квартирам замерзающими жильцами), то и температура в подъезде не на много отличалась от температуры на улице. А поскольку эта стена была гораздо тоньше наружной, то не удивительно, что вся она была покрыта слоем льда в палец толщиной. Поначалу мы этот лёд скололи, но так как для обогрева кухни мы не могли использовать дополнительный электрообогреватель – наша электросеть и так уже дымилась от перенапряжения, а штатная батарея отопления могла поддерживать в помещении температуру, лишь немного превышающую ноль градусов, – то ледяной нарост на стене восстановился в считанные дни. Посовещавшись, мы решили оставить кухню холодной. В дальнейшем кухню использовали как подсобное помещение. В ней курили, сушили бельё, изредка готовили еду (питались мы, в основном, в лёгкой столовой), хранили скоропортящиеся продукты.

На кухне стоял титан. Кто не знает, что это за «зверь», сейчас расскажу. Титан – это такое водонагревательное сооружение, которое состоит из металлического бака, поставленного сверху на чугунную печь таким образом, что внутренняя стенка бака является одновременно и стенкой печной трубы. Титан обычно топится дровами или углём.

Мы свой титан растапливали раз в неделю – в субботу, устраивая себе банно-прачечный день. От раскалённой печи температура в маленькой кухне поднималась чуть ли не до тридцати градусов, и мы все сползались сюда погреться из своих комнат, где никакими ухищрениями не удавалось поднять температуру выше 13-15 градусов. Лёд на стене в банный день, разумеется, таял, вода стекала на бетонный пол, в котором кто-то до нас уже предусмотрительно пробил небольшую дырку в подвал. Но банный день проходил, температура в кухне падала, и в течение двух-трёх дней ледник на стене вновь восстанавливался. Оттаивая, лёд иногда отваливался от стены вместе со штукатуркой, а в тех местах, где штукатурки уже не было – вместе с кусочками красного кирпича, из которого была сложена стена. Мы сильно не расстраивались: стена была несущая, и при таких неглубоких отслаиваниях её толщины должно было с лихвой хватить ещё очень надолго, на наш век – уж во всяком случае. Дальнейшие события показали, что мы жестоко ошибались.

В очередной банно-прачечный день, когда на кухне стояла тропическая жара и освобождённая ото льда стенка своей фактурой напоминала изъеденную временем стену какого-нибудь европейского замка с тысячелетней историей, мы все собрались в нашем маленьком «ташкенте» и, наслаждаясь теплом, вели непринуждённую светскую беседу, запивая её крепким и ароматным, сваренным в турке, кофе, до которого мы все были большими охотниками. В кухне был только один стул, поэтому располагались мы кто где: кто-то сидел боком на столе, кто-то – свесив ноги – на подоконнике, я стоял, подпирая спиной стену (не ту – соседнюю). А Саня Дамрин сидел возле титана на ящике с углём – в этот день он был за истопника. Разнеженные теплом, в предвкушении горячей помывки и завтрашнего выходного дня, мы все были телесно расслаблены и душевно оживлены. Гудело пламя в печи, булькала, закипая, вода в титане, тёк неторопливый разговор.

«Созрела» очередная порция кофе. Благоуханная чёрная жидкость пролилась в торопливо подставленные чашки. Вкусовые пупырышки напряглись в предчувствии близкой встречи с благородным горячим напитком, ноздри, трепеща, вожделенно ловили тонкий аромат молотых зёрен бразильской «арабики». Дамрин, пригубив свой кофе, почмокал губами и, блаженно жмурясь, держа чашечку на отлёте, откинулся спиной на стенку... и с грохотом – с куском стены – выпал в подъезд. Мелькнули ноги, посыпались кирпичи, послышался невнятный мат, место трагедии заволокло кирпичной пылью.

Как оказалось, НЕСУЩАЯ стена между квартирой и подъездом была выполнена военными строителями толщиной... в полкирпича. Нашему товарищу ещё крупно повезло: стена рухнула не целиком, а небольшой своей частью. Верхняя половина стены и потолочная плита остались на своих местах лишь потому, что дополнительно опирались на лестничный пролёт. Так что Санька отделался лишь несколькими синяками да разбитой любимой чашкой, но ещё долго после этого случая, прежде чем опереться на что-либо спиной, он тщательно ощупывал и опробовал опору руками.

Стену эту, кстати, нам пришлось восстанавливать дважды. Первый раз – тогда же, зимой, наскоро. А второй раз – уже после наступления тёплых дней: по новой разобрав зимнюю «временку» и возведя настоящую – усиленную (без дураков, в два кирпича!) – полноценную кладку.

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр.11-12).

Военные строители – это вообще тема для отдельного разговора. Автору неоднократно приходилось выслушивать леденящие кровь истории о ломе, вваренном в систему отопления вместо трубы, или о настеленных сверху вниз – стыками к стекающей воде – шиферных крышах, или о вмурованных в центре кухни в бетонный пол кирзовых сапогах. До своего приезда в Орловку автор был склонен считать подобные истории байками, анекдотами, полагая, что доля вымысла в них намного превышает долю факта. Однако после всего увиденного и пережитого в Орловском гарнизоне, автор был вынужден коренным образом пересмотреть своё отношение к подобным легендам. Теперь, умудрённый жизненным опытом, автор склонен не только считать, что эти истории про военных строителей правдивы все до единой, но и, более того, готов внести свою посильную лепту в славную летопись деяний советского стройбата.

Как я уже упоминал на страницах своей книги, для размещения военнослужащих вновь формируемого 216-го полка в Орловке были построены два пятиэтажных четырёхподъездных дома. Строительство их велось с апреля 86-го по март 87-го.

Первым строился ДОС № 18. Новый дом, в отличие от старых – кирпичных, был панельным. Поэтому возвели его достаточно быстро – уже к октябрю месяцу на недавнем пустыре возле кочегарки возвышались белоснежные стены красавца-дома. На окружающем общем сером фоне дом смотрелся неизвестно как заплывшим сюда новеньким – только что со стапеля – океанским круизным лайнером. Не удивительно, что дом этот, как и все океанские лайнеры, удостоился своего собственного наименования. Новое здание нарекли в народе «Белоснежкой».

Второму дому повезло меньше. Говоря точнее, второму дому вовсе не повезло. Строить ДОС № 17 начали в сентябре, и пик его строительства пришёлся на зиму. Зрелище зимней стройки в условиях орловской зимы могло вдохновить любого художника-баталиста: окутанный дымом десятков угольных костров, дом напоминал осаждённую крепость, из последних сил отбивающуюся от натиска каких-нибудь злобных янычар. В роли самих янычар выступали чёрные, закопчённые, закутанные до самых бровей, военные строители, снующие там и сям в дыму и оглашающие окрестности своими боевыми гортанными криками.

После многомесячного «копчения» дом, возводимый из белых панелей, на выходе оказался грязно-серым и справедливо заслужил от местных жителей прозвище «Золушка».

Строительство «Золушки» не задалось с самого начала. На стройке работали две роты стройбата, то есть каждое подразделение должно было возвести два подъезда дома. После завершения нулевого цикла и установки стальных панелей первого этажа вдруг выяснилось, что дом «не сходится». Строители устанавливали панели от торцов здания навстречу друг другу, и на смычке выяснилось, что между последними панелями остаётся зазор шириной в добрый метр. Строители озадачились. Были выдвинуты взаимные претензии, которые ни к чему, кроме ругани, не привели. Стройка застопорилась. Прилетевшее в гарнизон начальство изумилось, после чего много кричало, бегало вдоль не сходящихся стен и даже проходило туда-сюда сквозь образовавшийся прогал. Результатов, как ни странно, это тоже не принесло – стены не сошлись. «Выкручивайтесь, как хотите!» – сказала выдохшееся от затраченных усилий начальство и, на всякий случай показательно «казнив» нескольких «янычар», улетело обратно в Хабаровск.

Строители выкрутились. В промежуток был вставлен кусок обрезанной панели соответствующего размера. Стена приобрела целостный вид, и стройка возобновилась. История с обрезанием панели затем повторилась на каждом этаже, и к завершению строительства через весь дом по вертикали пролегал метровой ширины шов, из-за чего дом приобрёл вид человека, перенёсшего тяжёлую внутриполостную операцию.

Конечно, жильцам квартир, приходящихся на шов, достались лишние квадратные метры жилплощади, но это новосёлов радовало мало: из щелей вокруг неровно обрезанных панелей дуло так, что над полами в их квартирах приподнимался линолеум.

Сюрприз с лишней панелью был не единственным из приготовленных находчивыми строителями будущим жильцам дома. С одним из таких сюрпризов я столкнулся лично.

Мой друг, переведённый в Орловку, в 216-й полк, из Спасска-Дальнего, получил в «Золушке», в марте месяце, сразу по окончании её строительства, однокомнатную квартиру. Он сразу же перевёз в новое жильё свою семью – жену и годовалого ребёнка. Я был приглашён на новоселье.

Сидели на кухне – в комнате спал ребёнок. Выпив под мясные блинчики – фирменное блюдо этой семьи – «по паре рюмок», перешли к чаю и сладкому. Чай пили из шикарного чайного сервиза – моего подарка на новоселье. Потом пришла пора песен под гитару.

Часа в два ночи стали расходиться. Поднявшись, вышли в коридор. Хозяин квартиры шёл последним и, выйдя из кухни, погасил там свет. И в ту же секунду раздался грохот и звон, как будто от щелчка выключателя в кухне сработало взрывное устройство. На мгновение мы оцепенели, а затем кинулись обратно и, вбежав в тёмное помещение (свет почему-то никто не догадался включить), увидели... звёзды. В здоровенном – метр на метр – проёме под потолком сияли, весело нам подмигивая, огромные голубоватые, хрустально чистые орловские звёзды. Пролом был столь масштабным, что в него целиком помещалась Большая Медведица. Оттуда, от Большой Медведицы, нам в разгорячённые лица дул морозный космический ветер. Наконец зажгли свет. Зрелище, представшее перед нашими глазами, было

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 11-13).

душераздирающим: на останках кухонного стола вперемешку с битым кирпичом лежали осколки подарочного чайного сервиза; из-под самого большого обломка стены выглядывал гриф разможжённой в щепки гитары. Температура в кухне стремительно падала. Кое-как заткнув дыру подушками и одеялами, мы принялись за осмысление причин катастрофы.

Оказалось, что стена кухни представляла собой панель с отбитым верхним углом. После установки панели на место хитроумные «янычары» заложили образовавшийся проём кирпичом. Снаружи кладка была наспех замазана раствором и после длительного «жопчения» стала практически неотличимой от окружающих её панельных стен. Тем более что дефект располагался достаточно высоко – на четвёртом этаже. Положенная в тридцатиградусный мороз кирпичная кладка держалась на месте исключительно за счёт замёрзшей в растворе воды и наклеенных изнутри на стену обоев. После заселения квартиры температура внутри помещения поднялась, лёд растаял, обои, намочнув, отошли и...

Потерпевший новосёл был «обрадован» перспективой доживать зиму с заткнутой подушками дырой, а по наступлении тёплых дней – искать кирпич, цемент и необходимые инструменты для заделки образовавшейся «пробоины». А все, пережившие в ту памятную ночь строительный катаклизм, ещё долго ходили под впечатлением от случившегося. Утешаться мы могли разве только тем, что рухнула стена минутой раньше – и считать бы пришлось не разбитые блюда и чашки, а головы.

Ещё одну историю про «Золушкины» сюрпризы поведал мне майор М., получивший жильё в легендарном доме летом 88-го.

М. был вторым владельцем квартиры и поэтому он не сильно удивился, обнаружив в стенном шкафу в одной из комнат чью-то шинель. Ну, шинель и шинель. Мало ли. Прежний жилец, надо полагать, забыл. М. трогать шинель не стал – пусть висит, не мешает ведь, да и дел после заселения было и без того невпроворот.

Гораздо сильнее М. удивился, когда дня через три обнаружил стоящие под шинелью хромовые сапоги. Тоже чужие. Впрочем, накануне М. как раз устраивал что-то типа новоселья – этакий небольшой мальчишник с обильной выпивкой и скромной закуской – и сапоги мог вполне оставить кто-то из гостей. Вопросами – почему гость оставил сапоги именно в стенном шкафу? и в чём он ушёл домой, если не в своих сапогах? – М. не задавался: голова и так разламывалась после вчерашнего. Всё-таки на другой день М. опросил всех бывших у него накануне гостей, но никто из них в своей забывчивости не сознался.

А ещё через несколько дней...

М. как раз вешал в тот самый стенной шкаф кое-какие свои вещи, когда задняя стенка шкафа распахнулась, и М. с изумлением увидел перед собой сильно не одетую женщину с какой-то цветастой тряпицей в руках. М. опешил. Женщина, увидев перед собой усатого мужчину в семейных трусах, – тоже. Немая сцена длилась несколько секунд. Затем мозг М. был травмирован пронзительным, вибрирующим, переходящим в ультразвук, визгом. Женщина шарахнулась. И сейчас же на её месте возникла фигура мужчины. Незнакомец был тоже усат, тоже экипирован в семейные трусы, вот только был он примерно на полголовы выше М. и раза в полтора шире в плечах. Некоторое время мужчины глядели друг на друга, как в зеркало. Затем усы на знакомце встали дыбом.

– Убью! – веско сказал он и начал протискиваться сквозь шкаф.

М. заметался. Под руки, как назло, не попадалось ни одного тяжёлого предмета. М. приготовился к самому худшему.

Но попав на территорию противника, незнакомец подрастерял свой боевой пыл. Он остановился и принялся с изумлением озираясь. Было видно, что он никак не ожидал увидеть в своём стенном шкафу столь богатую обстановку. Темп атаки был утерян. Мужчины взяли себя в руки. Спустя полчаса два соседа сидели на кухне М. за бутылочкой спирта и живо обсуждали случившийся казус, а жена соседа, успокоившись и приведя себя в порядок, то и дело бегала через шкаф из квартиры в квартиру, доставляя на стол выпивающим мужчинам всё новые и новые закуски.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.11-14).

Вскоре всё прояснилось. Оказалось, что коварные «янычары» просто забыли разгородить одну из комнат стеной, в результате чего комната эта стала принадлежать как бы двум квартирам одновременно. То есть можно было войти в одну квартиру, пройти через эту комнату и совершенно спокойно выйти в противоположную дверь в квартиру другую. Принимающая комиссия заметила этот ляп и приказала строителям устранить недостаток. Однако разбирать пол, возводить кирпичную стену, штукатурить её, настилать обратно пол, клеить обои показалось «янычарам» процессом долгим и хлопотным. И они поступили до гениальности просто. Они взяли и разгородили комнату стенным шкафом. Но чтобы ещё более упростить себе задачу, они не стали ставить, что было бы в этой ситуации логично, два шкафа спиной друг к другу, а просто соорудили один шкаф и навесили на него дверцы с обеих сторон. Комиссия, заглянув в квартиры, подвоха не заметила, приёмный акт был подписан, и странный сквозной шкаф зажил своей странной двойной жизнью, чтобы в один прекрасный момент показать жильцам смежных квартир – сколь тонка в нашей жизни грань между трагедией и комедией.

Но в каком бы доме не проживал обитатель Орловки – в старом или в новом, с каким бы «янычарским» наследием ему не приходилось бороться, какие бы бытовые трудности ему не доводилось преодолевать, основной и главной проблемой всех без исключения орловских жителей была проблема обогрева своего жилища. Поэтому автор считает целесообразным в теме о жилье отдельно поговорить...

Об отоплении

(продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Напоминаем, что условия конкурса опубликованы в «Светлячке» №9(30) за сентябрь 2013 года. Прочсть нашу газету вы можете, набрав в поисковой строке: литературно-краеведческая газета «Светлячок».

Игорь Столяров,

Нелидово

* * *

Нам с тобой в Интернете попала такая картина:
Две неспелых моркови, едва получив паспорта,
Не успев пожениться, но явно набрав каротина,
Обжимаются страстно, прилюдно целуясь в уста.

Мне б завидовать им, – только право, тут вовсе не
диво:

Вижу я, как легко поувянет к зиме красота,
Оскудеет ботва от тоски корневого отрыва
И усохнет морковка. Любовь уже станет не та.

Дальше – больше: начнутся скандалы – и дело к
разводу,

Дети, кошки, имущество, драки и пьяный загул,
Преступление, суд и... на кухню несут корнеплоды!..
Извини, – я, похоже, увлекся и слишком загнул.

Мой печален рассказ. Есть ли повесть печальней на
свете?!.

Впрочем, хватит о классиках: пусть почивают в Раю.
Я хотел написать о морковях в оранжевом цвете, –
Сам же черную песнь о разлуке зачем-то пою.

Так не будем толочь эту воду бессмысленно в ступе!
Одари меня лаской и ужин скорей приготовь:
Хоть судьба овощей неизбежно закончится в супе, –
Но морковной зарей освящается наша любовь.

К черту горечь разлук! Пусть завистники нас
сторонятся

Да шипят: «Ваш удел – коротать одинокие дни.
Мол, они ж молодые! – куда вам за ними гоняться?!»
Мы ответим: пускай нас сначала догонят они.

Работы присылать в электронном варианте по адресу:

andkniga@andreapol.tver.ru

или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;

или приносите в районную библиотеку.

• Чудеса в решете

ХОТИТЕ ВЕРЬТЕ...

Разное случается в нашей жизни. Многое стирается из памяти, уходит незаметно куда-то в дальние её уголки, с годами тускнеет, блекнет, а то и вовсе исчезает, как морозный узор на стекле, пригретом солнечным лучом.

Но есть моменты, которые не забываются, которые многому нас учат. И особенно ясно понимаешь это сейчас, уже повзрослев, набравшись опыта и сделав определённые выводы из произошедшего.

Конечно же, когда ты ещё ребёнок, некоторые вещи кажутся необъяснимыми, неправдоподобными, а подчас даже мистическими. Нечто произошло и со мной, когда я была двенадцатилетней девчонкой. На летних каникулах я гостила у бабушки, которая проживала вместе со своей сестрой в железнодорожной казарме. А рядом лес.

Бабушки держали хозяйство, поили корову Ночку, хлопотали в огороде, собирали ягоды и грибы, которых в лесу было очень много.

Однажды бабушка позвала меня с собой, когда шла в лес за грибами. Мы взяли корзины и вышли из дома. От казармы до леса - поляна, небольшая, но, как говорят, кочка на кочке. Вот на одной такой кочке я слегка подвернула ногу и в сердцах чертыхнулась.

Вот и лес. Елочки маленькие, но густые, пушистые. А под ними грибочки беленькие семейками растут. Красотища! Полазала я под теми ёлочками, набрала уже полную корзину и выбралась на небольшую лесную опушку.

Волосы под косынкой растрепались, и я решила их поправить. Корзину свою на пенёк поставила, косу переплела. Ну, вот и готово!

Бабушка где-то совсем рядом ходит. Шумнула я ей, она отозвалась. Пойду-ка, думаю, ей навстречу. Повернулась, чтобы корзину свою с пенёка взять, а корзинки-то на пенёке и нету!? Оглянулась кругом – нету! Не по себе как-то стало, жутко! Лес зашумел, как мне показалось, зловеще... Но тут бабуля моя на полянку вышла...

– Набрала, что ли? – спросила она, – Корзину-то бери, домой пойдём.

А у меня язык от страха будто одеревенел, да и сама с места стронуться не могу.

– Корзину-то бери! Чего стоишь?

Я робко повернулась – стоит моя корзина на том самом пенёчке..? Взяла я её, пошла.

Бабушка что-то мне говорила, а я шла молча и судорожно думала о том, что произошло со мной на той полянке.

Только когда вышли мы на пожню перед домом, рассказала я бабуле о произошедшем.

– Э! Это, доченька моя, с тобой луковичек поиграл, но поиграл по-доброму, шутейно. А ведь бывает так, что блудить будешь возле трёх кустов, да дорогу к дому не найдёшь, в лесу заночуешь. Идёшь в лес – не чертыхайся! С лесом поздоровайся, попроси его одарить тебя своими дарами, а как выходить станешь, поблагодарить за дары-то не забудь.

Запомнила я эти слова на всю свою жизнь. И до сих пор поступаю так, как бабушка меня учила. И глубоко убеждена, что чудеса на свете бывают. А вы, мои дорогие, хотите верить, а хотите нет.

**Нина Шандаевская,
г. Андреаполь**

